

УДК 316.4

К вопросу об издержках импорта социальных институтов**Падерин В.К.**

Доктор философских наук, профессор кафедры профессионального обучения, педагогики и социологии Казанского государственного архитектурно-строительного университета

Митрошина О.В.

Кандидат социологических наук, доцент кафедры общегуманитарных и естественно-научных дисциплин Российской международной академии туризма

Вильданов И.Э.

Старший преподаватель кафедры профессионального обучения, педагогики и социологии Казанского государственного архитектурно-строительного университета

В статье рассматриваются издержки, с которыми связан импорт социальных институтов. Доказывается, что при ввозе «институциональных конструкций» требуется опираться на оценку возможностей их адаптации в условиях российских реалий. В противном случае социальная цена такого рода нововведений будет слишком высокой, так как они затрагивают интересы, статусы, положение и благополучие многих социальных групп. Поэтому «ввоз» институциональных структур должен сочетаться с анализом собственных институциональных практик, в том числе и ретропрактик, что вовсе не означает ориентации на антизападничество и изоляционизм.

Ключевые слова: социальный институт, векторы институционального развития, социальные издержки импорта институциональных конструкций, конгруэнтность, конвергенция, дивергенция, неформальные институциональные практики.

В условиях нелинейной социальной динамики обозначились следующие векторы институциональной трансформации: развитие, совершенствование, перерегуляция традиционных социальных институтов, возникновение новых и импорт институтов (наиболее популярное до последнего времени направление) [1, с. 42]. К этому перечню, который представляется неполным, есть смысл добавить еще два [2]: реанимация, находящихся в состоянии анабиоза и активно функционировавших в недав-

нем или отдаленном прошлом институтов, но ставших востребованными в настоящем (это так называемые ретроинституты, воссоздание которых хотя и связано с опасностью переноса в современность «ретровирусов», но данный процесс идет в реальной социальной практике и его нельзя не замечать и игнорировать, тем более, что данные практики, регулирующие общественные отношения и скрепляющие социальные связи, становятся достаточно регулярными) и институционализация неформальных

общественных практик, закрепление систем социальных связей и сетей, неофициальных принципов, правил, норм, а также обслуживающих их организационных форм и структур.

Стратегии преобразований, из которых исходили в недавнем прошлом реформаторы, строились в основном на парадигме ввоза в страну институциональных установлений. Это был, пожалуй, самый модный вариант институциональной модернизации. Возникает вопрос: какие обстоятельства детерминировали данный процесс?

В первую очередь, это было связано с состоянием общественных наук, у представителей которых, попавших в ситуации десоциализации и ресоциализации, а также озабоченных проблемой выживания, не оставалось ни сил, ни времени на долгую и кропотливую работу по сбору и систематизации собственных культурно-институциональных образцов различных эпох. Тем более, что подобного рода работа требовала не только больших финансовых затрат, но и наличия в обществоведении собственных научных школ мирового класса. Не говоря уже о том, что обстановка институционального кризиса, при которой многие институты оказались не в состоянии выполнять возложенные на них функции, требовала незамедлительной переналадки старых и запуска новых.

Задача эта натолкнулась на незначительность банка идей, касающихся опыта российского институционального строительства [3]. В силу причин субъективного и объективного характера, а также внутренних и внешних обстоятельств, было пропущено такое звено институционального строительства, как поиск, систематизация и оценка собственных институциональных установлений. Поэтому был выбран путь заимствования «извне», причем не избирательно, зарубежных институциональных конструкций и «вмонтирования» их в «тело» отечественного социума. В этом сыграла свою роль многовековая традиция недооценки собственного социального опыта, в том числе институционального строительства и стремления к переоценке роли и значения практик «самых цивилизованных стран мира», не только игнорируя при этом собственную специфику социокультурной реальности, но и недооценивая ее, а также те социальные процессы, которые в ней происходили. Отсюда – рассуждения об «аномальности», «неправильности» страны, которую «умом не понять». Как следствие – оправдание любой, даже лжеинновационной, институциональной инициативы. В итоге – болезненность институциональной модернизации, усугубление рисков и без того нестабильного общества. Сработал также фактор дрейфа от реалистического к аутическому мышлению.

К причинам предпочтения и импорта относилось также наличие на зарубежном институциональном

рынке большого выбора «строительных» конструкций. Если, к примеру, не оправдывает ожиданий институциональный блок, заимствованный в одной стране, можно взять аналогичный по своим целевым назначениям в другой, функционирующий, правда, уже на других принципах, которые нередко игнорировались как что-то флуктуационное, хотя и отклоняющееся от средних значений и характеристик отечественной общественной системы, но в целом, как казалось, не влияющих существенно на ее качественные параметры и свойства или влияющих в лучшую сторону. А от того факта, что есть объективная социальная мера, граница (предел, за которым начинаются процессы качественного изменения параметров социальной системы, сопровождаемые процессами отторжения), абстрагировались.

Не говоря уже о том, что «товар» на зарубежном институциональном рынке аккуратно «складирован», «упакован», свидетельствует о желании продать его на определенных условиях. Вопрос же о том, какие это условия, не принимался во внимание. А между тем цена этих условий могла быть очень высокой (речь идет о социальной цене), включая экспансию чуждой данному социальному организму идеологии, экономических, политических и прочих структур. Вполне реальными последствиями которой могут быть падение авторитета национального государства, потеря им стабильности, утрата целостности и аутентичности его культуры, лингвистической и, вполне возможно, религиозной идентичности, появление «зон напряженности» (в том числе этнических по своему характеру) и пр.

Существующая институциональная реклама (нередко агрессивная), которая делает упор на укреплении стабильности, надежности тех связей, которые обеспечат тот или иной заимствованный институциональный блок, также сыграла свою роль. Это так называемая «магия» рекламы. Чем затрачивать усилия на поиск, анализ и оценку эффективных институциональных форм в безбрежном море формальных и неформальных культурных практик, проще пойти по пути импортирования «проверенного жизнью», не учитывая то, что страны-экспортеры институциональных практик вполне возможно и сами постепенно вступают в полосу экономических, политических и социальных кризисов. Не говоря уже о том, что степень зрелости заимствуемого социального института может быть различной. Он может находиться в фазе становления, акматической, надлома, обскурации и мемориальной. Словом, одни институциональные практики относительно «молоды», а на «плечах» других лежит «груз столетий». И если не принимать во внимание «возраст» этих практик, то можно ввезти ветшающие (восторженно восхищаясь их «цивилизованностью»), фактически исчерпавшие свой организационный и прочих потенциал. Следовательно, поиск институтов,

которые хотят заимствовать, должен опираться на принцип «синхронии», то есть совпадения по возрасту. В противном случае есть реальная возможность употребить огромные энергетические, трудовые и ресурсные затраты на создание «сооружения», подобного карточному домику.

Непоследней причиной предпочтения именно ввоза социальных институтов являются затраты, связанные с их импортом. Они невысоки и состоят из: а) расходов на помощь со стороны стран – институциональных «доноров», б) консультаций, в) обмена опытом (иногда они выступают в виде кредитов, получаемых от стран экспортеров), г) затрат на обучение тех, кто будет занят во ввезенных институтах (организация обучающих курсов, тренингов, стажировок и пр.), д) расходов, связанных с лоббированием новых законов в законодательной власти, легитимирующих, узаконивающих их существование.

И, наконец, нужно иметь в виду и издержки, которые связаны со встраиванием ввезенного социального института в отечественную социальную структуру. Как бы то ни было, практически всегда при институциональном импорте встает вопрос о конгруэнтности, то есть совместимости с официальными и традиционными неформальными институтами, функционирующими в стране-импортере. При наличии конгруэнтности это взаимодействие способно пойти по пути конвергенции, то есть схождения, сближения тех и других (примером такого рода является институт изучения общественного мнения). Возможен и другой вариант развития событий, при котором успешного «вживления» не происходит, конвергенция не осуществляется, а происходит дивергенция, характерной особенностью которой является рассогласованное функционирование традиционных и ввезенных социальных институтов. Как следствие, ослабление социальных связей, отчуждение людей друг от друга, «снежный ком» нарастающих конфликтов и пр. Или, что также нередко происходит, наполнение заимствованных извне институциональных форм привычным для отечественного социокультурного пространства содержанием (например, политические институты, такие как партии, которые в ряде регионов начинают функционировать по принципу тех же кланов, ничем от них фактически не отличаясь [4, с. 168]).

Но самые главные издержки импорта, о которых до последнего времени предпочитали не говорить – это далеко идущие последствия, связанные с национальной безопасностью страны, что отчетливо видно на примере институтов культуры, которые являются фактором ценностно-нравственной безопасности. Введенные культурные установления негативно повлияли на принципы коллективизма и фактически стали вытеснять их агрессивным и эгоистичным индивидуализмом. Неэффективность противодействия распространению различных экс-

тремистских организаций, квазирелигиозных сект, негосударственных военизированных структур, эпидемии массового мошенничества и т.п. во многом связана с отсутствием эффективно функционирующих институтов культуры, многие из которых «тронуты» (дополнены) ввезенными конструкциями, не работающими или антиработающими в отечественном социальном пространстве.

История российского общества знает несколько институциональных трансформаций (современная фактически является четвертой по счету, после реформаторско-институциональной волны 1917 г. и второй половины девятнадцатого столетия). Сегодняшняя в чем-то напоминает вторую (хотя всякое сравнение страдает, но все-таки) по дивергенции, по ее «верхушечному» характеру (она продвигается во многом инициативами сверху, именно «верхи» осуществляют отбор, модификацию и интеграцию институциональных конструкций), по протеканию процессов отторжения импортируемых социальных институтов, явно противоречащих «традиционной институциональной матрице» [5]. Как следствие, подчас большая весомость неформальных практик, превращение их в структурированные и самовоспроизводящиеся образования.

Таким образом, вопрос о сопоставительном анализе импортируемых и исконно отечественных социальных институтов нуждается в серьезном качественном анализе. И тут никак не подходит простое механическое сравнение «плюсов» и «минусов» тех и других. Функционирование новых социальных процессов и институтов требует рассмотрения их обязательно в контексте российских социокультурных реалий, что вовсе не означает предпочтения позиций антизападничества и изоляционизма.

Литература:

1. Иншаков О.В. Экономические институты и институции: к вопросу о типологии и классификации // Социологические исследования. – 2003. – № 9. – С. 42-51.
2. Падерин В.К., Нагматуллина Л.К., Падерина О.В. Институты культуры. – Казань: Казан. ун-т, 2005. – 42 с.
3. Олейник А.Н. Издержки и перспективы реформ в России: институциональный подход. – М.: ИЧП «Изд-во Магистр», 1997. – 40 с.
4. Основы социологии. Курс лекций. Издание 2-е, испр. Ч. 1 / Отв. ред. А.Г. Эфендиев. – М.: Общество «Знание» России, 1994. – 192 с.
5. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. – Новосибирск, 2001. – 182 с.

Expenses of Social Institutions Import

V.K. Paderin, I.E. Vildanov

Kazan State University of Architecture and Engineering

O.V. Mitroshina

Kazan Branch of the Russian International Academy of Tourism

The paper deals with the expenses connected with import of social institutions. It is being proved that import of “institutional constructions” requires assessment of their adaptability for Russian realia. Otherwise, social cost of these innovations would be too high, as they affect the interests, status, position and well-being of various social groups. Therefore, import of institutional structures must be combined with the analysis of domestic institutional practices including retro practices that would not mean anti-Westernism and isolationism.

Key words: social institution, vectors of institutional development, social costs of import of institutional constructions, congruence, convergence, divergence, informal institutional practices.

